

В лесу инженеры и рабочие построили два красивых дома. Лес они огородили забором, и лес стал называться парком.

В домах разместился большой санаторий, в котором люди лечились и отдыхали. Они ходили на лыжах, катались на коньках, играли в снежки и читали хорошие книги. Так было и в январе 1941 года, в дни, когда здесь встретились Аркадий Гайдар и Зоя Космодемьянская.

... В парке, рядом с ледяной дорожкой, Гайдар поставил семь снежных баб — большую, поменьше, ещё поменьше и, наконец, совсем маленькую. Две бабы держали ружья «на плечо», две — «на караул», две стояли навтыжку — «руки по швам», — без оружия. А самая маленькая, седьмая баба сидела в просторной слепленной из снега палатке за прилавком и торговала всякой мелочью: сосновыми шишками и вороньими перьями. Седьмая баба называлась: маркитантка Сигарет.

А все вместе снежные бабы были гарнизоном большой белой крепости. Гайдар эту крепость осаждал, бомбардировал снежками и брал штурмом. Это была очень хорошая игра, и называлась она «война с амазонками». Даже красивый доктор Аннушка прибежала сюда и с азартом швыряла снежками в злых белых баб.

Однажды мы с Гайдаром ремонтировали пострадавший от последнего обстрела и штурма гарнизон крепости. Послышался скрип снега под чьими-то лёгкими, осторожными шагами. Шаги затихли невдалеке, словно повисли в воздухе.

Гайдар обернулся. Девушка — девочка — в коричневой отороченной мехом шубке стояла под большой, старой берёзой. Светило солнце. Неслышно падали хлопья снега с деревьев.

— Вы ко мне? — спросил Гайдар.

— Нет, — сказала девушка, — Я не к вам, я сама по себе.

— Так не бывает, — сказал Гайдар. — Это только старый кот ходил сам по себе в джунглях, и ничего из этого хорошего не вышло. Хотите мороженого?

— Откуда у вас мороженое? — спросила девушка, недоверчиво оглядывая пустой парк.

— Мы вчера заняли эту белую крепость, — серьёзно ответил Гайдар. — Пушки и ружья больше не стреляют. Старая маркитантка по-прежнему торгует своими запасами. Мы не обижаем мирных жителей.

Он снял рукавицу, залез рукой в снежную палатку и, пошарив там немного, вытащил из потайного уголка два фунтика мороженого «Эскимо».

— Вам сливочного или шоколадного? — спросил Гайдар.

Девушка засмеялась.

— Я вас знаю, — сказала она, — Вы писатель Аркадий Гайдар. Я знаю все ваши книги.

— Я тоже вас знаю, — сказал Гайдар. — Вы учитесь в девятом, нет, в десятом классе. И я тоже знаю все ваши книги: алгебру Киселева, физику Соколова и тригонометрию Рыбкина. Вас зовут Наташей, или Зоей, или Марусей. Гром далёких сражений не даёт

вам спать по ночам, и это понятно, потому что сражения эти не далёкие, а совсем близкие.

— Всё это правда, — сказала девушка. — Я учусь в десятом классе, и меня зовут Зоей. Про гром — тоже правда.

— Очень тревожно жить на свете, — сказал Гайдар. — Слышите? — он поднял руку и замер, к чему-то прислушиваясь.

— Слышу, — серьёзно сказала девушка.

— Это пушки, — сказал Гайдар. — Это пулемёты работают далеко-далеко, в Греции. А это, кажется, бьют марш-поход наши барабаны: каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава.

— Это вы очень хорошо написали, — сказала Зоя.

— Правильно, дорогой товарищ, — сказал Гайдар. — Это я очень хорошо написал. В парке зазвонил колокол, сзывая народ к обеду.

— До свиданья, — сказала Зоя и убежала, а мы с Гайдаром ещё долго беседовали о том, как велика ответственность человека, который учит других жить, и как должна быть чиста его собственная совесть.

На другой день, утром, Гайдар захватил коньки и вышел в парк. Зою он встретил на катке, они долго катались вместе, и Зоя весело смеялась над неуклюжим уменьем Гайдара. Он давно не катался на коньках и учился кататься заново.

А потом они сидели на скамейке в парке, и Зоя рассказывала Гайдару о маме, о брате, о своей жизни, о том, что вот окончит она скоро десятилетку, а как будет жить дальше, не знает.

— Всё у вас впереди, — сказал Гайдар, — плохое и хорошее.

— В том-то вот и дело, — ответила Зоя. — Вон у вас какая знаменитая жизнь — всё как на ладони, и что будет дальше, — всё ясно. А мне всё нужно решать: кем быть и как жить. Плохо — не хочется, а хорошо — трудно.

— Долго и счастливо, — пошутил Гайдар. — В старых книжках так писали.

— Долго — это ещё не значит счастливо, счастливо — это ещё не значит долго, — задумчиво сказала Зоя, и Гайдар посмотрел на неё удивлённо.

С каждым днём он всё больше и больше привязывался к этой девочке. Любовь Зои к книжным героям наивно делилась пополам между Жанной д`Арк и Тимуром. О трудном подвиге в жизни мечтала она. Неясно, загадочно было будущее этой девочки, но писатель Гайдар чувствовал, что оно будет необыкновенным.

Всё чаще и чаще Гайдар и Зоя уходили вдвоём в далёкие прогулки по парку, и тогда в санатории ласково говорили: «Наши комсомольцы пошли гулять».

В этих словах, таивших добрую насмешку над Гайдаром, было много правды. Это были действительно два комсомольца: один, «доблестно вынесший на себе тяжесть всей гражданской войны», — так было написано в характеристике Гайдара, — и другой, у

которого было всё впереди и даже характеристики ещё не было. Может быть, поэтому они и подружились.

Гайдар и Зоя часто спорили о жизни. Взволнованная тревожными событиями, Зоя читала Гайдару героические стихи Гёте, мечтала вслух.

— На землю опускайтесь, на землю! — смеялся Гайдар.

— «Лётчики летят своими путями. Капитаны плывут своими морями», — упрямо повторяла Зоя. — Зачем же вы так писали?

Она часто разговаривала с Гайдаром-товарищем словами Гайдара-писателя. У неё была отличная память, и Гайдар с радостью принимал участие в этой литературной игре.

Вот и сейчас Зоя вдруг согнала улыбку с лица и совсем по-ребячьи тихо спросила:

— Аркадий Петрович! Что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно большое, настоящее, общее счастье?

Гайдар задумался.

— Есть, конечно, такое счастье, — сказал он. — Ради него живут и умирают настоящие люди.

На другой день Зоя уехала, и Гайдар попрощался с ней у калитки.

— Улетают лётчики, — сказал он и пошёл по тропинке к дому.

Прошло полгода. Началась Великая Отечественная война. Гайдар шёл по улице Горького, большой и красивый в своей новой военной форме. Дворники закладывали мешками с песком зеркальные витрины магазинов. Москва становилась прифронтовым городом.

Чья-то рука осторожно и ласково взяла Гайдара за рукав гимнастёрки.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович! — Перед ним стояла Зоя.

— Лётчики прилетели, — сказал Гайдар. — Наши хорошие лётчики.

Он схватил Зою за руку, и они пошли вниз, к Охотному ряду.

Солдаты, командиры и пионеры отдавали честь Гайдару, и он здоровался с ними с весёлой улыбкой, точно радовался каждой такой встрече.

— Уезжаете? — спросила Зоя.

— Уезжаю, — сказал Гайдар. — Завтра.

— Я тоже, — сказала Зоя. — Только ещё не скоро. Но я решила твёрдо.

И вдруг, как тогда, в парке, она посмотрела на Гайдара совсем по-ребячьи, как смотрят ученицы первых классов на старого любимого учителя.

— Аркадий Петрович! — сказала она. — Вы когда-то писали о том, что не надо бояться смерти. Умереть за большое человеческое счастье не жалко.

— Не жалко, — повторил Гайдар. — Я так писал. Я так до сих пор думаю.

— До свиданья! — сказала Зоя. — Спасибо зам за ваши книги, Аркадий Петрович!

Она крепко пожала Гайдару руку и побежала вниз по улице за проходившим

троллейбусом.

А Гайдар свернул направо и пошёл за своими документами в Генеральный штаб Красной Армии.

Ноябрь 1946

Борис Емельянов

журнал «Смена»